

Научно-образовательный курс «Когнитивно-прагматические грани русского слова» разработан в рамках Соглашения №14.А18.21.0993 от 07.09.2012 г.

Н.Ф. Алефиренко, Е.И. Симоненко, И.А. Ярошук
КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ГРАНИ
РУССКОГО СЛОВА

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть 1. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА ЗНАКОВ	3
1.1. Образность художественного дискурса	5
1.2. Культурно-прагматические аспекты семантики	8
Вопросы для самопроверки и задания	16
Часть 2. КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРЕДЗНАКОВОГО ПОРОЖДЕНИЯ ОБРАЗНОГО СЛОВА	17
2.1. Билатеральная структура образного слова	17
2.2. Внутренняя форма образного слова	18
Вопросы для самопроверки и задания	51
Список рекомендуемой литературы	52

Аннотация. В *первой* части рассматриваются прагматические и этнокультурные коннотации знаков косвенной номинации. Основная мысль: в художественной речи каждая номинативная единица языка реализует свои импликациональные связи, актуализируя в этноязыковом сознании дискурсивные, когнитивные, ситуационные и звуковые ассоциации. Авторская концепция ориентирована на исследование коннотации языковых знаков в связи (а) с субъектом речи, (б) с адресатом, (в) с характером их взаимного воздействия и (г) с ситуацией прагматические и этнокультурные коннотации знаков косвенной номинации. Основная мысль: в художественной речи каждая номинативная единица языка реализует свои импликациональные связи, актуализируя в этноязыковом сознании дискурсивные, когнитивные, ситуационные и звуковые ассоциации. Авторская концепция ориентирована на исследование коннотации языковых знаков в связи (а) с субъектом речи, (б) с адресатом, (в) с характером их взаимного воздействия и (г) с ситуацией общения. Каждый аспект обладает особым предметом исследования.

Во *второй* части рассматриваются проблемы порождение и восприятие образного слова, связанные с возникновением предзнаковых форм накопления и хранения информации, содержащейся в лингвокогнитивной базе лингвосемиозиса. Проводится мысль о том, что дознаковой стадией процесса семиозиса и понимания образной речи является ментальная модель, которая предшествует не только формированию когнитивно-семантической структуры слова, но и её пониманию. Ментальная модель лингвосемиозиса является воплощением дискурсивного смысла, а сам дискурс – формой его существования и бытия. И в этом качестве она связана с предзнаковыми формами накопления и хранения информации.

Часть 1. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА ЗНАКОВ КОСВЕННОЙ НОМИНАЦИИ

Введение. Начиная с XIX века, проблема языка и культуры становится специальным предметом исследования философов и лингвистов, опирающихся на антропоцентрические принципы познания и описания мира. Однако укрепление когнитивистских позиций в современных гуманитарных исследованиях открывает неизвестные страницы и в культурологии, ставит новые проблемы, которые нуждаются в комплексном междисциплинарном решении. Говоря о междисциплинарном подходе, мы имеем в виду не только интеграцию таких наук, как философия, психология, логика, когнитология и лингвистика, но и привлечение внутрисубъектных взаимосвязей. В языкознании наиболее продуктивными являются взаимосвязи лингвокультурологии, психолингвистики, прагмалингвистики и когнитивистики.

Взаимосвязь лингвокультурологии и когнитивной лингвистики позволяет проникнуть в один из самых сокровенных уголков культуры – языковое сознание. Прагмалингвистика дает возможность высветить этнокультурологические аспекты коммуникации [Bartmiński 2009], психолингвистика раскрывает универсальные и этнокультурные механизмы порождения и восприятия речи, кодирования и декодирования этнокультурной картины мира, элементы социолингвистического анализа подчинены осмыслению общественных факторов, влияющих на становление и развитие языковой личности и формирование национально-культурного компонента в семантическом пространстве языка.

Постижение семантического пространства языка [Попова, Стернин 2007] осуществляется главным образом через исследование его основной единицы – значения. В когнитивной лингвокультурологии оно в конечном итоге подчиняется выявлению и структурированию концептосферы. В свою очередь решение этой задачи предполагает анализ основной единицы

концептосферы – культурного концепта, по ряду параметров отличающегося от понятия. *Понятие и культурный концепт* – явления, разумеется, однопорядковые, сравнимые, но не равнозначные. Культурные концепты, конечно же, – лишь наиболее сложные понятия, являющиеся важными элементами соответствующей концептосферы языка и этнокультуры. Для академика Д.С. Лихачева взаимопроникновение этих феноменов настолько естественно, что он счел возможным их отождествить: «Концептосфера языка – это в сущности концептосфера русской культуры» [Лихачев 1997]. Такое понимание взаимодействия концептосфер языка и культуры обуславливает определение концепта у Ю.С. Степанова: «Не следует воображать себе культуру в виде воздуха, который пронизывает все поры нашего тела, – нет, это «пронизывание» более определенное и структурированное: оно осуществляется в виде ментальных образований – концептов. Концепты – как бы сгустки культурной среды в сознании человека», «то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 1997] и в языковую семантику в виде ее культурного компонента, который, как известно, издавна привлекает внимание исследователей. Пожалуй, впервые Джон Милль предложил относить его к сфере коннотации слова. Вслед за ним, учитывая культурологическую значимость этого феномена, Роберт Ладо называет коннотацию культурным значением, а Чарлз Фриз – социально-культурным. Современные ученые предпочтение отдают термину, введенному в нашу науку Е. Найдой, выделявшим в значении слова «эмоциональный, коннотативный компонент». Для когнитивной лингвокультурологии модель последнего термина (в усеченном виде – *культурный компонент*) оказалась наиболее приемлемой, поскольку позволяет проникнуть в глубинные механизмы вербализации когнитивных категорий. Как ни парадоксально, но, несмотря на огромный интерес к коннотации со стороны лексикологов, фразеологов, психолингвистов и текстологов, культурная коннотация языковых единиц остается почти сказочной и все еще не пойманной «жар-

птицей», озаряющей невидимые грани этнокультурной семантики не только слова, но и текста – художественного и научного.

1.1. Образность художественного дискурса

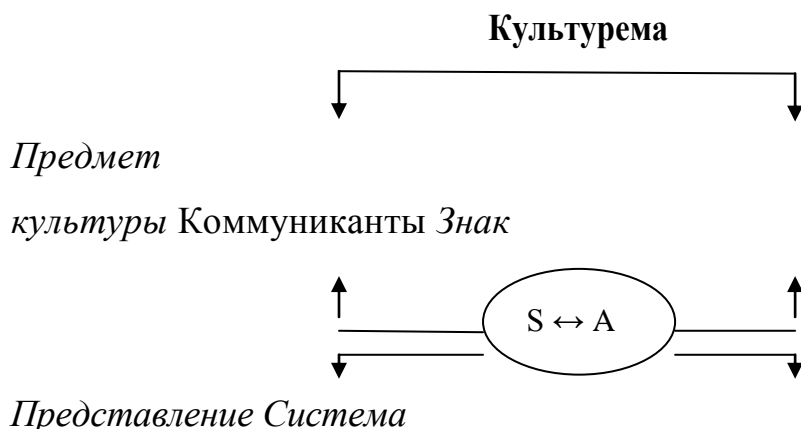
По утверждению психолингвистов, в художественном тексте каждое слово раскрывает богатые возможности своих потенциальных многомерных связей. Эти связи могут иметь характер дискурсивных, когнитивных, понятийных, ситуационных и даже звуковых ассоциаций. В норме, в системе языка одни связи, *образные* как наименее существенные вытесняются, а другие, *смысловые*, закрепляются и становятся доминантными. В художественном тексте, наоборот, смысловые взаимосвязи вытесняются ассоциативно-образными. Поэтому процесс выбора протекает преимущественно в пределах семантических смысловых связей и приобретает селективный, избирательный характер (А.Р. Лурия). Когнитивно-культурный аспект научного текста обусловлен процессами взаимодействия формирования научного знания с когнитивной функцией языка. В рамках когнитивно-дискурсивного подхода к созданию теории языка науки текстопорождение как когнитивный процесс обработки, упорядочения, хранения и «языковлечения» информации необходимо рассматривать в связи с феноменом терминопорождения, обеспечивающего научному тексту необходимую содержательность при минимуме сбалансированно используемых языковых средств (В.Ф. Новодранова). Для художественного (прежде всего поэтического) текста, обладающего вертикальной пространственной структурой, наиболее важные моменты обработки информации – это этапы текстопорождения и восприятия образного слова. Культурно-когнитивной особенностью поэтического текста является сложная архитектура его смыслового содержания, что, безусловно, предопределено особым поэтическим мышлением ассоциативно-образного и символического характера (А.А. Потебня). А это, в свою очередь, делает еще более актуальной проблему когнитивно-культурной

интерпретации скрытого смысла, связанной с декодированием поэтически оправданных лексико-синтаксических «аномалий» и выявлением интенционального содержания (замысла и смыслового намерения автора).

Когнитивно-культурный подход, как нам представляется, дает возможность проникнуть в глубинные свойства семантики языка и текста, поскольку он затрагивает скрытые информационные пласты и научного и поэтического мышления, где происходит комбинаторное упорядочение знаний и формируется соответствующая языковая картина мира (Е.С. Кубрякова), тех знаний, которые лежат в основе языковой и речевой семантики. Теоретическим субстратом формирующейся методологии более явно признается известная логико-философская доктрина речевых актов Джона Остина, Джона Серля, Зено Вендлера и др. Менее активно используются теория речевой деятельности (Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.А. Леонтьева, И.А. Зимней и др.) и теория лингвокультуры (В.В. Воробьева, В.А. Масловой, Н.Л. Шамне и др.). Между тем культурно-прагматический потенциал идиоматики раскрывается только в единстве двух названных выше теорий. Этому есть несколько объяснений, и главное – в объективной культурно значимой соотнесенности двух феноменов – речевого акта и речевой деятельности.

Речевой акт – это целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с этнокультурными принципами и правилами речевого поведения (Н.Д. Арутюнова), принятыми в данном культурно-языковом сообществе; речевые акты характеризуются интенциональностью (коммуникативными намерениями), целеустремленностью и конвенциональностью (условным соглашением) говорящих. *Речевая деятельность* – это вид деятельности, включающей акты говорения, восприятия речи, ее понимания и интерпретации. Следовательно, речевые акты и речевая деятельность, направленные на создание, восприятие, понимание и интерпретацию речевых актов, смыслообразующим компонентом которых выступает культурно маркированная единица языка,

являются объектом культурно-прагматической теории, а ее предметом – лингвокультурологическая сущность языкового знака, его амбивалентная отнесенность к другим элементам высказывания и к участникам культурно-знаковой ситуации в рамках соответствующего ей речевого акта. Языковой знак в составе речевого акта, оказавшийся в той или иной культурно маркированной коммуникативной ситуации, рассматривается в органическом единстве с сопутствующими прагматическими обстоятельствами общения: замыслом отправителя сообщения, пресуппозитивным фоном, условиями общения, интерпретацией и пониманием сообщаемого. Ср.: – *Ты с ним полтора года работал... должен был изучить человека. – Работал, ну что ж. Никаких особенных грехов не замечал. Так себе, ни рыба ни мясо* (В. Овечкин). В связи с этим предпочтительнее в такого рода исследованиях говорить не о речевой, а о культурно-прагматической ситуации, в которой реализуется языковой знак и в которой обеспечивается адекватное понимание коммуникантами культурно-прагматического смысла всего высказывания. Инвариантная культурологическая модель коммуникативно-прагматической ситуации (рис. 1) представляет собой структуру, в центре которой располагаются коммуниканты: субъект речи (S) и адресат (A), фокусирующие все остальные элементы ситуации: а) предмет культуры; б) ассоциативно-образное представление о нем; в) знак в сочетании с другими речевыми знаками высказывания и г) систему знаков, коррелирующую с системой языкового сознания.

о предмете языка

культуры

Рис. 1. Инвариантная культурологическая модель коммуниктивно-прагматической ситуации

Анализ структуры коммуниктивно-прагматической ситуации направлен на выявление культурно маркированной семантики слова (фраземы) с точки зрения различных видов речемыслительной деятельности: а) номинативной (человек – денотат); б) отражательно-интерпретирующей (человек – представление) и в) условно-рефлекторной (человек – знак, языковое сознание).

Такое понимание объекта и предмета культурно-прагматической теории предполагает исследование прагматических свойств языковых знаков в нескольких аспектах, связанных (а) с субъектом речи, (б) с адресатом, (в) с характером их взаимного воздействия (особенно в диалогической речи) и (г) с ситуацией общения. Каждый из выделенных аспектов культурно-прагматической лингвистики имеет свой предмет исследования.

1.2. Культурно-прагматические аспекты семантики образного слова

Первый аспект культурно-прагматического исследования образного слова связан с субъектом речи. Предметом изучения здесь являются следующие дискурсивные явления:

1) выражающие явные и скрытые коммуникативные намерения, или, по Д. Остину, иллокутивные силы высказываний в таких разновидностях, как имплицитная культурная информация, мнение, просьба, приказ, совет, обещание, извинение и т.п.;

2) раскрывающие культурный характер речевой тактики и тип речевого поведения;

3) проецирующие модель построения дискурса в соответствии с коммуникативными намерениями;

4) кодирующие важные для лингвокультурологии косвенные смыслы высказывания, намеки, иносказания, обиняки и т.п.;

5) содержащие культурно-прагматические пресуппозиции: оценки общего для коммуникантов фонда знаний, их мнений, интересов и психических состояний;

6) выражающие модально-оценочное содержание высказывания, его истинность или ложность, неоднозначность, ироничность и т.п.);

7) служащие культурно значимыми смысловыми акцентами в содержательной структуре высказывания.

Во *втором аспекте* в связи с адресатом речи – исследуются:

- языковые знаки с точки зрения заложенного в них интерпретационного потенциала: при этом особую ценность приобретает декодирование языкового значения путем компонентного анализа скрытых сем (минимальных смыслов), выявления культурно-прагматических ситуаций и пресуппозиций;

- языковые знаки как носители перлокутивных эффектов, т.е. языковые знаки исследуются здесь с точки зрения их воздействия на адресата с целью изменения его эмоционального состояния, взглядов и оценок;

- знаки-рефлексивы, выражающие косвенные реакции на полученное сообщение, например, слова и выражения, употребляемые с целью уклонения от прямого ответа на вопрос.

Наконец, *третий аспект* – собственно прагматический. В его компетенции изучение прагматических свойств идиом в связи с ситуацией общения:

- а) выявлять их дейктический смысл, т.е. способность служить пространственными и временными ориентирами в структуре дискурса;

б) показывать влияние речевой ситуации на выбор и употребление слов (фразем) определенных тематических и семантических групп, на выбор слова из множества других в том или ином парадигматическом блоке – синонимическом, антонимическом или полисемическом.

В рамках ситуации общения осуществляется прагматическое описание перформативных высказываний (ср.-лат. *performo* «действую»). Таковыми, например, являются фразеологизированные структуры высказываний или высказывания, смыслообразующей доминантой которых выступает идиома. Высказывания подобного рода выполняют функцию, адекватную действию или поступку; иногда такие высказывания выполняют магическую (ритуальную) функцию.

Таким образом, жизнь знака в семиотической системе, пишет Е.С. Кубрякова, определяется тремя его «измерениями»: (а) тем, как строится его тело и какой субстанцией оно представлено; (б) тем, что оно значит и обозначает (на что указывает), и, наконец, (в) тем, какое воздействие производит, какой эффект вызывает его употребление [Кубрякова, Шахнарович, Сахарный 2001: 285]. Сформулированные выше аспекты и задачи культурно-прагматической теории языка симметричны проблемам общей прагмалингвистики.

Особым культурно-прагматическим потенциалом характеризуются фраземика и паремии, поскольку они фиксируют результаты интеллектуально-эмоциональной деятельности человека, выполняют функции не прямой и косвенно-производной номинации, содержат модально-оценочные характеристики номинируемых объектов. Будучи тесно связанными с материальной и духовной культурой народа, его историей и обычаями, дискурсивные языковые знаки являются своеобразными национально-индивидуальными микромифами, содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [Буслаев 1959: 204].

Прагматическая ценность идиом, таким образом, заключается в их индивидуальности. «А индивидуальное – как это ни парадоксально — является, – по образному выражению В.М. Мокиенко, – особо прочным цементирующим раствором при взаимодействии народов и их культур, ибо оно и является национальной «валютой» при культурном взаимообмене народов» [Мокиенко 1986: 5]. Из семасиологического предназначения дискурсивных идиом следует, что своеобразие фразеологического значения предопределяется наличием в его составе так называемого коннотативного смысла, который, в отличие от лексического значения, является не дополнительным содержанием, со-значением слова, а его обязательным интенциональным (ядерным) смысловым элементом этнокультурного характера.

Как этнокультурный стереотип коннотация становится связующим звеном между двумя единицами. Такого рода культурный компонент задает: 1) «внутреннюю форму» слова, его образную структуру; 2) стереотипность использования объекта (*коза* – обычно символ глупости, любопытства, подвижности, плодородия и т.п.); 3) традиции литературной обработки лексемы (например, коннотации таинственности, мистичности, вечности в значении слов *могила, ведьма, луна*); 4) исторические, политические, религиозные контексты лексемы; 5) этимологическую память слова (прилагательное *правый* имеет стереотипную коннотацию ‘хороший, честный, надежный’: *Иван – его правая рука*). Коннотация языка вообще, и фразеологическая в частности, генетически связана с этнокультурными стереотипами [Жилина 2011: 189].

Фразеологическая коннотация содержит различную информацию об этимологических истоках оборота этнического, культурно-исторического и национально-языкового характера. Коннотативный микрокомпонент значения характеризует общающихся с точки зрения их эмоционального состояния, интеллекта, социального положения, коммуникативного намерения и т.п. Такое понимание фразеологической коннотации позволяет

считать ее основой прагматического значения (эффекта) дискурсивной идиомы. В структуре прагматического значения дискурсивных идиом целесообразно выделять экспрессивные, эвокативные (апеллятивные), фатические и эстетические компоненты [Якобсон 1997: 193].

Экспрессивный (аффективный) компонент прагматического значения дискурсивных идиом выражает эмоции и качественно-оценочное отношение говорящих к предмету мысли. Так, дискурсивные идиомы *человек с большой буквы, из ряда вон (выходящий)* выражают восхищение и уважительное отношение к тому, кого эти обороты характеризуют. Экспрессивный компонент таких идиом может видоизменяться в зависимости от коммуникативно-прагматических намерений говорящих и, соответственно, от характера контекста. Вторая дискурсивная идиома, например, может употребляться для выражения возмущения и негодования. Поэтому крайне важно такие идиомы представлять во всех возможных коммуникативно-прагматических ситуациях, под которыми следует понимать комплекс внешних условий общения, присутствующих в сознании говорящего в момент осуществления коммуникативного акта: *кто – что – где – когда – кому – зачем – как* (Э.С. Азнаурова). Другими его компонентами являются виртуальный (потенциальный, языковой) и актуальный (речевой) коммуникативно-прагматический эффекты, поскольку прагматика дискурсивной идиомы детерминирована, в конечном счете, его семантикой, синтактикой и стилистикой в единстве с особенностями и условиями речевого общения. Ср.: 1) *Шекспир – из ряда вон выходящее явление в мировой литературе* и 2) *Сколько можно опаздывать на занятия?! Ваше поведение можно назвать, мягко говоря, из ряда вон выходящим* (разг.).

После прагматической интерпретации дискурсивных идиом целесообразно перейти к их ономаσιологической характеристике, требующей более высокого уровня овладения методами культурно-прагматического исследования. Суть таких исследований заключается в

осмыслении характера денотативной отнесенности образных слов, поскольку, по мнению Г.Г. Почепцова, «прагматическая семантика вообще имеет дело с перебором нескольких семантических структур, соответствующих одной денотативной ситуации», «прагматическая семантика — это семантика выбора, семантика альтернатив», с учетом ситуации самого общения [Почепцов 2001: 35]. Например, подбирая дискурсивные идиомы для выражения возмущения, неодобрения или негодования, идиому *из рук вон (плохо)* говорящий должен отличать от фразеологизмов *этого еще не хватало (недоставало) (!), ни на что не похоже (!), ни в какие ворота не лезет (!), черт знает что (такое) (!), не укладывается в голове (в сознании)!*

Такие дискурсивные идиомы, представляя рематическую часть высказывания, вводятся в речь, как правило, с помощью различных суперсегментных фонетических средств (интонации, передающей презрение, а также эмфатического ударения, выражающегося в усилении и удлинении отдельных звуков). Кроме того, существуют еще и паралингвистические средства передачи экспрессивного компонента фразеологического значения — выражение глаз, жесты, мимика, телодвижения. Экспрессивный компонент значения дискурсивных идиом реализуется обычно в единстве с эвокативным.

Эвокативный компонент фразеологической семантики связан с воздействием дискурсивной идиомы на слушающего. И действительно, почти все дискурсивно-коммуникативные образования, содержащиеся в своем составе идиомы, имплицитно или эксплицитно направлены на собеседников с целью побуждения их к той или иной деятельности. При этом косвенное воздействие осуществляется зачастую посредством обращения не к реальным коммуникантам, а к различного рода сверхъестественным силам (типа *бояться как черт ладана* кого, чего) посредством использования идиом магического содержания (заклинаний, эвфемизмов, перифраз типа *замолвить словечко (слово)* за кого, о ком, *вставать с левой (не с той) ноги*,

Христа ради, рай земной, отдавать богу душу, перемывать косточки (кости) кому, кого, чьи и т.п.).

Эмоциональное, интеллектуальное и поведенческое воздействие на слушающего реализуется с помощью целого комплекса лингвистических и паралингвистических средств, в частности, с помощью дискурсивных идиом, используемых в диалогической речи. Это чаще всего эвокативные или императивные идиомы типа *пальца (палец) в рот не клади* – кому 'кто-л. таков, что не упустит возможности воспользоваться оплошностью, промахом другого'; *зарубить (себе) на носу* — 'запомнить крепко-накрепко, навсегда'. В разных диалогических ситуациях, такие идиомы вызывают у общающихся адекватную фразеологическому значению и условиям речевого акта эмоциональную и поведенческую реакцию. Лингвистическими средствами реализации такого воздействия в первом примере служат: а) предикативно-рематическая функция дискурсивной идиомы; б) императивная форма глагольного компонента с отрицанием; в) обязательность дополнения в дательном падеже (кому — обозначение лица, которое не упустит возможности воспользоваться оплошностью другого). Прагматической функцией этой идиомы является оценочная характеристика такого человека с целью предупредить, предостеречь кого-либо, чтобы предупреждаемый сделал соответствующие выводы и руководствовался ими в своем поведении, а также характеристика, оценка самого человека [Яранцев 1999: 196]. В другой коммуникативно-прагматической ситуации эта же дискурсивная идиома употребляется в значении 'кто-либо таков, что может постоять за себя'.

Вторая идиома – *зарубить (себе) на носу* – в одном и том же значении репрезентирует две коммуникативно-прагматические ситуации – ситуацию «предупреждение» и ситуацию «запоминание чего-л. крайне важного и необходимого». Ср.: 1) *Зарубите себе на носу, случится что с вашим сыном, нам даже не придется предъявлять особые доказательства вашей вины. Они слишком очевидны, так что — берегитесь!* (В. Тендряков. Расплата) и 2) *Я*

еще в детстве, как говорится, зарубил себе на носу правило не откладывать на завтра того, что можно сделать сегодня (Р.И. Яранцев). Указанные коммуникативно-прагматические ситуации выражаются разными лингвистическими средствами. Первая – «предупреждение, предостережение, угроза» – выражается тогда, когда оборот употребляется в роли сказуемого, а глагольный компонент – в форме императива. Вторая – «необходимость запоминания чего-л. крайне важного» – выражается при употреблении идиомы в предикативно-рематической части высказывания; глагольный компонент в таком случае может иметь форму императива или форму прошедшего времени; при идиоме обязательным является прямое дополнение, выраженное, как правило, указательным местоимением *это*.

В связи с коммуникативно-прагматической обусловленностью содержания и формы подобных дискурсивных идиом особое значение приобретает работа по их подбору для выражения соответствующей ситуации. Так, для выражения «угрозы» русский язык предоставляет возможность выбора идиомы из следующего ряда: *придержаться язык (язычок), прикусить язык, показать где раки зимуют, костей не собирать, спустить шкуру с кого, спустить три шкуры (семь шкур) с кого, стереть в порошок кого, что, свернуть шею (голову, башку) кому, стереть с лица земли кого, что, мокрое место останется от кого (мокрого места не останется от кого)* и др. Выявляя эвокативные аспекты прагматических значений таких дискурсивных идиом, важно вызвать у собеседника адекватную реакцию, определенные чувства, ввести его в соответствующую рече-поведенческую тональность.

Фатический компонент прагматического значения образного слова служит установлению контакта между участниками речевого акта. Это фразеологизированные речевые формулы приветствия, представления, обращения в начале общения, а также идиомы, направленные на поддержание контакта между коммуникантами: *милости просим (прошу), в добрый час, будьте добры, прошу любить и жаловать* и др. Фатический

компонент фразеологического значения репрезентирует психическое состояние и, реже, социальное положение участников дискурсии.

В целом прагматические компоненты образной семантики образуют коннотативное поле языкового знака [Магомедова 2012: 131]. Создаётся оно синергетикой разных языковых процессов, важнейшими из которых являются семасиологические механизмы экспрессивно-образной интерпретации и интериоризации результатов чувственного познания. К таким языковым процессам относятся метафоризация, словопроизводство, фразеологизация, провербализация, грамматикализация, семантическое взаимодействие слов [см.: Апресян 1995: 169]. Своеобразие интериоризации форм чувственного отражения в смысловые элементы языкового значения состоит в трансформировании и модально-оценочном преобразовании факультативных и даже фоновых (пресуппозиционных) признаков исходного значения слова, которые в конечном итоге становятся интенциональными семами в семантической структуре единиц вторичной и косвенно-производной номинации (метафоры, фраземы, провербиумы, некоторые производные слова) [см.: Алефиренко 2012: 4].

В культурно-прагматической коннотации проявляется творческий характер языка, реализуется его эвристический потенциал – лингвокреативный источник постоянного совершенствования и обновления речемыслительных возможностей человека.

Вопросы для самопроверки и задания

1. Раскройте содержание понятия «прагматические коннотации» знаков косвенной номинации.
2. Раскройте содержание понятия «этнокультурные коннотации» знаков косвенной номинации.
3. Что такое «импликациональные связи» слова?
4. На конкретном фрагменте избранного вами художественного текста покажите коннотации языковых знаков относительно (а) субъекта

речи, (б) адресата, (в) характера их взаимного воздействия и (г) ситуации общения.

Часть 2. КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРЕДЗНАКОВОГО ПОРОЖДЕНИЯ ОБРАЗНОГО СЛОВА

Введение. Исходными понятиями моего размышления служат: лингвосемиозис, знак и протознак. Под лингвосемиозисом понимается речемыслительный процесс, ведущий к возникновению знака косвенно-производной номинации – образного слова. Его косвенно-производная природа обуславливается онтологией его семиозиса.

2.1. Билатеральная структура образного слова

Образное слово имеет билатеральную структуру: десигнат и десигнатор. Десигнат – означаемое, отражение в сознании предмета, качества или процесса реальной действительности – внутренняя сторона фраземы; он противопоставляется денотату (предметной области познания) и определяется как «субъективный образ» или «концепт» денотата). Десигнатор – образ акустического знака. Нередко во фраземосемиозисе возникают достаточно парадоксальные десигнаторы, основанные на воображении. Казалось бы, такие десигнаторы не должны ничего не сообщать нам о мире. Однако, как утверждает Нельсон Гудмен в книге «Пути создания мира», ... вымысел играет доминирующую роль в нашем умении создавать миры, особенно те, которые Л. Витгенштейн назвал «возможными мирами». Вымышленные десигнаторы фраземознаков суть метафорические репрезентаторы реальных объектов. Словосочетания *Дон Кихот* и *Дон Жуан*, к примеру, в их фразеологизированном виде, жестко не привязаны узусом к

кому-либо конкретному человеку. Но в переносном смысле сопоставимы с теми или иными субъектами коммуникативной ситуации. Такого рода отнесённость поддерживается возможностью реального существования какого-либо конкретного человека с именем дон Кихот или дон Жуан. Подобным образом обстоит дело и с десигнаторами нарицательного характера, перенесёнными в иносказательное дискурсивное пространство. Десигнатор *ветряные мельницы* правильно находит свой десигнат в сочетании с глаголом **воевать** (*воевать с ветряными мельницами*). Кроме того, десигнат формируется всем смысловым содержанием соответствующего дискурса. Например: *Нельсон Гудмен воеет с ветряными мельницами современной лингвистики*. Так, создавая возможные миры посредством фраземики, мы обычно имеем в виду вполне реальные вещи. Поскольку такие десигнаторы наследуют, повторяют и переделывают реальные миры — именно поэтому последние узнаваемы.

Какими сведениями располагает фразеология? – Как известно, ВФ, начиная с XIX века, рассматривалась применительно к слову. Затем, в XX веке, стали убеждаться в том, что ВФ присуща и сверхсловным образованиям. Долгое время теория внутренней формы фразем выстраивалась по лексикологическому образцу, т.е. внутренней формой фраземы считался этимологический признак, положенный в основу номинации.

Общее (целостное) значение таковых фразеологизмов не выводится из значений компонентов (ввиду их деактуализации), а мотивируется внутренним образом (внутренней формой), которой подлежит расшифровке. Мотивировка и выводимость – явление различного порядка в области фразеологии.

2.2. Внутренняя форма образного слова

Внутренняя форма участвует в образовании фразеологического значения, которое возникает в итоге метафорического переосмысления того словосочетания, которое сформировывает внутренний образ фразеологизма, его внутреннюю форму. При этом конкретно образ, лежащий в базе такового фразеологизма, предсказывает объект обозначения, т.е. Несет своеобразную указательную функцию, по другому нельзя было бы говорить о мотивированности целостного значения.

Внутренняя форма, предопределяя семантическое развитие фразеологизма, сама по себе не способна выступать в качестве смыслоразличительного (дифференциального) признака фразеологического значения. Поэтому фразеологизм нельзя найти посредством тех слов, которые входят в словосочетание, образующее внутреннюю форму.

То событие, что внутренняя форма имеет словесную базу, а не компонентную, еще не значит, будто она (внутренняя форма) находится только на глубине «Совмещенной стадии», когда фразеологизм характеризует типом двойным планом (буквальным и фигуральным) В реальности, но, двойным планом различаются только пословицы, а фразеологизмы лишены таковой особенности: они не могут сразу употребляться в буквальном и в переносном значении. При употреблении в буквальном значении фразеологизмы перестают быть самими собой, становятся отменными новыми образованиями – свободными словосочетаниями такового же лексического состава.

Каждая из сторон знака генетически восходит к ментальным прообразам, называемым предзнаками или протознаками. Понять сущностные свойства десигнатора и десигната образного слова – значит ретроспективно уяснить характер их формирования. Десигнат содержит в себе мысль, выраженную образным словом. А «всякая мысль, – писал Л.С. Выготский, – стремится соединить что-то с чем-то» [Выготский 1956: 376]. Ретроспективное осмысление природы десигната может опираться на нейролингвистические исследования модулярного устройства мозга. Полученные экспериментальным путем в этой

области результаты доказывают, что различные участки человеческого мозга специализированы на выполнении определённых функций. Данное заключение, как отмечают Д. Карлсон и М. Анненхаус, является одной из основополагающих для теории лингвокогнитивистики, особенно для теории косвенной номинации.

Возникновение косвенно-производных знаков возможно при сопряженной деятельности двух полушарий КГМ, двух модусов познания мира. Для этого кора головного мозга должна иметь оптимальный тонус¹. При понижении тонуса нарушается порождение высказывания, а при его повышении происходит ассоциативно-образная вспышка. В силу этого происходит отключение вторичных отделов височной коры левого полушария, отвечающих за синтагматику, и активизация задних отделов коры левого полушария, отвечающих за ассоциативно-смысловые связи вербализуемой денотативной ситуации.

На этом этапе решающую роль играет предвосхищение, или антиципация. Как утверждают когнитологи, в акте эмоциональной речевой деятельности правого полушария нередко возникают моменты ожидания чего-либо, что вероятно в той или иной ситуации общения. Такие моменты возникают тогда, когда говорящий, не находя в синтагматическом поиске нужного слова, вынужден подключить правое полушарие с тем, чтобы заменить стилистически нейтральную лексему нестандартным косвенно-производным знаком (фраземой или паремией). Фраземообразующий дискурс в таком случае строится на основе синтагматических ассоциаций.

Как видим, в порождении образного слова правое полушарие обнаруживает себя весьма нетривиально. Многие поколения ученых были

¹ Оптимальный тонус КГМ – не когнитивная метафора, введенная О. Дейтерсом. Фактором, обеспечивающим и решелирующим тонус расположен ниже ствольных и подкорковых отделов. Этот механизм, называемый ретикулярной формацией (от лат. *retikulum* – сеточка, *formatio* – образование), устроен по типу нервной сети, в которую вкраплены тела нервных клеток с отростками. Возбуждение в нем распространяется не отдельными изолированными импульсами, а постепенно меняя свой уровень и, таким образом, моделируя состояние всего нервного аппарата. Оптимальная активность системы регулируется а) обменными процессами организма и б) поступающими раздражениями из внешней среды. Человек нуждается в притоке информации. Выключение такого притока погружает человека в сон. Активизируя приток информации, человек обретает нужный тонус КГМ. В связи с этими А.Р. Лурия выделил ещё и третий источник активации – намерения и программы, реализующиеся при непосредственном участии сначала внешней, а затем – и внутренней речи.

убеждены, что правое полушарие не имеет отношения к речепорождению. Теперь, благодаря исследованиям петербургских нейрокогнитологов, установлено, что правое полушарие отвечает за референцию, наполнение высказывания конкретным предметным содержанием. Правополушарная грамматика затрагивает когнитивные пласты нашего сознания, лежащие под языковым сознанием. Хотя доступ к ним открывают только языковые знаки, сам и они, находясь в глубинных пластах, обходятся без естественного языка, храня информацию в иных кодовых системах – образах, схемах, абстрактных моделях, которые вместе, по мнению Н.И. Жинкина, и образуют универсальным предметным кодом (УПК). В знаках УПК, расположенных в правополушарных глубинных когнитивных слоях сознания, как раз и хранится основная информация. Именно эти слои образуют концептосферу (систему концептов) С непосредственным участием ПП создаётся мысленная синтаксическая модель будущего высказывания, в том числе и синтагматический контур образного слова. Его характер определяется «особым синтаксисом» внутренней речи, порождающим отрывочные, фрагментарные, сокращенные структуры внутренней речи (Жинкин 1982: 332), что оказывается приемлемым для образного слова, поскольку многое в ней остаётся имплицитным, формально не выраженным. Дело в том, что основной синтаксической формой внутренней речи, как доказал Л.С. Выготский, является «чистая и абсолютная предикативность». Большая часть образных слов (метафор и фразем), как известно, являются предикатными и обстоятельственными знаками. Данное свойство рассчитано на понимание «с полуслова», «с намека». Следствием максимального упрощения синтаксического построения фраземы является «абсолютное сгущение мысли» (Жинкин 1982: 343). Говорящий, использующий образные слова, твердо знает, о чем идет речь. Поэтому указание на «тему» сообщения уже «изначально» включено во внутреннюю речь и не нуждается в специальном обозначении. Образным словом остается обозначить то, что именно следует сказать о данной теме (т. е. определить и раскрыть «рему» высказывания).

Вот почему предикативность является важнейшей отличительной особенностью внутренней речи. Собственно внутренняя речь – это речевое действие, перенесенное «вовнутрь», производимое в свернутой, редуцированной форме для решения когнитивно-дискурсивной задачи. Сжатость синтаксического контура фразеологического оборота компенсируется работой правого полушария, где мысль зарождается в виде системы образов и гештальтов. Это как раз то, что И.Н. Жинкин называл универсальным предметным кодом. Косвенные доказательства этому содержат исследования американского нейрофизиолога Дж. Леви, опытным путем доказавшей, что обработка информации в левом полушарии с помощью языка осуществляется анализ денотата, тогда как правое полушарие обрабатывает информацию целостно, не расчленяя ее. Правое полушарие в своей работе использует невербальные, образные компоненты и так называемые «внутренние слова».

Сходными вопросами занимаются петербургские нейролингвисты Т.В. Черниговская и В.Л. Деглин. Опираясь на данные их исследований, можно предполагать, что в порождении образного слова правое полушарие не только осуществляет рецепцию денотативной ситуации, строит чувственный образ (иконическую модель мира), но и включает этот образ в цепь речевых процессов. Левое же полушарие, специализируясь на абстрагировании, выстраивает рациональную модель мира [Балонов, Деглин, Долинина 1983: 41]. Более того, их исследования имеют прямое отношение к осмыслению протознаковых средств порождения образного слова. В центре их внимания были два важнейших феномена – (а) метафоры типа *бегут ручьи, горит Восток* и идиомы типа *лезть в бутылку, дырявая голова* и (б) силлогизмы.

Левое полушарие, пользуясь формальным принципом расшифровки идиом, осуществляло поэлементный состав образного словосочетания. При этом оно очень часто давало нелепые интерпретации. Правое полушарие при интерпретации идиом ни разу не ошибалось. Таким образом, в понимании идиом роль правому полушарию, вне всякого сомнения, принадлежит

ведущая роль. Правое полушарие действительно знает, помнит идиомы. С его помощью интерпретируются также и метафоры. Заметим также, что в решении силлогических задач левое и правое полушария мозга также пользуются разными стратегиями: левое полушарие – теоретической, а правое - эмпирической.

Итак, для понимания предзнаковых механизмов порождения образного слова важно то, что правое полушарие является носителем метафорического (архаического, мифологического, «комплексного») сознания. Оно «помнит» идиомы и участвует в дешифровке метафор, пользуясь целостным, комплексным, гештальтным восприятием.

Решающее значение работы ПП в процессе порождения образного слова (и фразеологизации в том числе) можно считать доказанным. А именно: в правом же полушарии появляется замысел. Он возникает в виде диффузного гештальта, который имеет характер смутного представления о цели и общем содержании будущего высказывания, когда говорящий в самых общих чертах знает, о чем он будет говорить, но не знает, как он реализует замысел в речь. В правом же полушарии замысел постепенно начинает оформляться в знаковом материале УПК (диффузный гештальт начинает приобретать более или менее видимые контуры в образах, схемах, фреймах воображаемых ситуаций, внутренних словах. Важная роль принадлежит внутреннему слову, которое призвано организовать предназначенную для вербализации мысль. Внутреннее слово, являясь «живым процессом рождения мысли в слове», – процесс, «идуший извне внутрь, процесс испарения речи в мысль» (см.: Новоселова 1978: 81; Holzkamp 1976: 316). Эта первичная эмоционально окрашенная запись еще не имеет четкой линейной структуры. При этом в ней совершенно отсутствуют пока еще знаки национального языка.

Дальнейший этап запускает механизм перекодирования содержания высказывания с УПК на тот или иной естественный язык. Этот процесс начинается также в правом полушарии. Здесь происходит переодевание

мысли, ее перевоплощение с использованием ресурсов правополушарной грамматики (появляются элементы структурирования на уровне темарематического членения, возникает интонация, конкретная лексика и т.п.).

В современной нейрофизиологии существует понимание того, что отображение в нашем сознании денотативной ситуации представляет собой согласованное взаимодействие многих нейронов, расположенных на разных уровнях определенного анализатора. Информационные нейронные эквиваленты внешних предметов мысли называют паттернами (англ. *pattern* – рисунок, конфигурация, узор, модель). В ходе поиска средств вербализации объекта косвенной номинации актуализируется или целостный паттерн, или отдельные свойства этого объекта, которым соответствуют те или иные части паттерна. Надо полагать, в первом случае возникает целостный образ денотативной ситуации, а во втором – внутренняя форма образного слова. Возникновение ВФ связано с нейрофизиологическими процессами, а именно, при подкреплении какого-либо одного свойства и не подкреплении другого любая часть паттерна связывается с условной реакцией, которая уже не вызывается другими частями паттерна. Можно говорить о том, что с условной реакцией связываются только те сочетания корковых нейронов, которые соответствуют подкрепленному свойству. Остальные нейронные сочетания, будучи связанными с неподкрепленными свойствами объекта, теряют свое сигнальное значение. Так создаются физиологические условия для извлечения отдельного из общего. Здесь можно сослаться на данные, полученные Н.И. Чуприковой, установившей, что под влиянием необходимости обмена предметами информации происходит соединение выделяемых в чувственном опыте частных паттернов со знаком. Автор говорит о словесном знаке прямой номинации, хотя для косвенного лингвосемиозиса в этом случае ему, надо полагать, предшествует протознак (предзнак). Он выступает тем необходимым субстратом, на почве которого возникает образное слово, которое, вне всякого сомнения, служит более эффективным средством дискретизации и выражения соответствующей

интенциональности. Синергетическое взаимодействие порождающих образное слово единиц направлено именно на двойное означивание потенциально бесконечного богатства чувственно-предметной деятельности. Такого рода двойное означивание обеспечивается онтологическими свойствами языка, благодаря которым в процесс познания объектов косвенного обозначения вовлекаются все новые и новые признаки предметов денотативной ситуации, открываются у известных вещей новые стороны, мысленно конструируются новые сочетания, даже воображаемые, реально не существующие. Ср.: *[строить] воздушные замки* (книжн. ирон.) – ‘фантастические, невыполнимые планы, замыслы, несбыточные мечты’. В ходе поиска знака косвенно-производной номинации происходят процессы концептуализации и категоризации номинируемых объектов. В результате такой лингвокреативной деятельности сначала возникают вторичные концепты, подлежащие образному словообозначению, которые затем вводятся в новые категориальные связи и отношения. В нашем примере вторичный концепт «самообман» мысленно включается в ироническую оценку мнимой грандиозной деятельности. Этому способствуют ассоциации, вызываемые субконцептами «замок», содержащий образ дворцового великолепия, и «воздух», в состав которого входит беспочвенная, нематериализуемая аура.

Параллельное сосуществование в сознании первичных и вторичных концептов требует так называемого двойного семиозиса, или, в терминологии Э. Бенвениста, двойного означивания. В чем суть двойного семиозиса? – На мой взгляд, его онтология обуславливается возникновением предзнаковых и собственно знаковых форм. Язык, согласно Э. Бенвенисту, обладает уникальной способностью к двойному означиванию – семиотическому и семантическому, т. е. к означиванию своих единиц как членов виртуальной языковой системы [Бенвенист 1974: 88-89]. Такая двуплановость знаковых единиц языка, о которой в своё время писал Э.

Бенвенист, наталкивает на мысль о гетерогенности (неоднородности) семиотических процессов, ведущих к их образованию.

Различают семиотическую (предзнак и предъязык) и символическую (знаки) разновидности означивания. Предзнаковыми формами форматирования знания служат внутренняя форма образного слова, сам образ и гештальт как на этапе порождения высказывания, так и на этапе его восприятия. Возникновением предзнаковых форм накопления и хранения информации, содержащейся в словообразующей базе, необходимо для формирования смысловой структуры образного слова. В принципе, процесс синтеза с помощью слов ранее воспринятых впечатлений науке достаточно хорошо известен. Этого нельзя сказать о процессе комбинаторного формирования нового (фраземообразующего) концепта. Осложняется он спецификой лингвокреативного мышления. Опирается этот процесс на механизмы «правополушарного мышления», когда возникает потребность во включении личностного познания в систему общественного знания. Такая необходимость появляется тогда, когда человеку важно соотнести результаты собственного познания с уже сформированной в данной этнокультуре системой знаний. Это, разумеется, резко повышает роль знаковых опосредователей.

Здесь весьма перспективной может оказаться гипотеза Н.И. Чуприковой о психофизиологических механизмах сознания. Опираясь на теорию семантических вербальных связей, или семантических моделей вербальной памяти, Н.И. Чуприкова выделяет *структурный* и *динамический* аспекты сознания. Структурный — это «более или менее упорядоченная отражательно-знаковая система, складывающаяся в мозгу каждого человека в процессе его жизни в результате практической деятельности, усвоения языка, существующей системы знаний и его личных усилий ... в познании действительности». Под динамическим аспектом понимаются «отдельные акты осознания внешних и внутренних воздействий, которые осуществляются на

основе базовых элементов языка и структур отражательно-знаковой системы» [Чуприкова 1997]. По мнению Н.И. Чуприковой, динамический аспект работы сознания находит свое выражение «в форме суждений». В процессах косвенно-производной номинации отражательно-знаковая система (на что, собственно, ориентирует сам термин) опирается на знаки и предзнаки. Предзнаки формируют гештальт, в котором затем выделяются признаки для порождения ВФ образного слова. С помощью удачно выбранного прототипа образного слова гораздо быстрее и эффективнее происходит процесс выделения раздражителей, облегчается их узнавание и запоминание, возникают физиологические условия, необходимые для второсигнального замыкания предзнаковых связей. Всё это является решающим фактором, обеспечивающим образование новых ассоциативных связей. Второсигнальные импульсы очень эффективно тормозят «мешающие» афферентации и ускоряют процесс коркового замыкания²⁸. Поскольку эти процессы закрепляются в детстве, идиоматика родного языка «естественно» входит в наше языковое сознание. Данное положение восходит к идее «прорастания слова в сознание», выдвинутой Л. С. Выготским (ученый воспользовался предположениями П. Жане), а затем развитой его последователями, прежде всего А.Н. Леонтьевым, А.Р. Лурия, А.В. Запорожцем. При этом нужно указать на сопряженность образного и знакового мышления. Как отмечал В. С. Ротенберг, нельзя любое оперирование словами заведомо относить к функции знакового мышления, а любое оперирование образами – только к функции образного. Особенность этих двух типов мышления – в способе переработки информации, а не в ее качественной специфике [Ротенберг 1982: 3]. Знаковое мышление обеспечивает преобразование симультанной информации в линейную. Образное мышление, подчеркивает В.С. Ротенберг, обеспечивает человеку возможность воспринимать отдельные предметы и явления взаимодействующими

одновременно в нескольких «смысловых плоскостях». Для косвенно-производного семиозиса оба эти процесса осуществляются в синергетическом единстве.

В.Н. Телия существенно расширила данное понимание, указывая, что образ, положенный в основу номинации, актуален для сознания носителя языка и во многом определяет его мировосприятие, его языковую картину мира. «Внутренняя форма для нас – это и форма организации значения в соответствии с образом-мотивом, и образная гештальт-структура, которая не может порвать с этой формой, поскольку она через нее явлена в буквальном прочтении»⁴. Такое понимание внутренней формы образного слова приближается к её лингвокогнитивному толкованию, при котором ВФ знаков косвенно-производной номинации рассматривается и как лингвокреативная деятельность человека (как процесс) и, одновременно, как результат.

Лингвокреативное начало при этом служит основным фактором порождения образного слова как номинативной единицы. Причем сама номинация здесь понимается так же, как она понималась в средневековой философии: дать имя – значит *познать суть* вещи. Это значит, что образные слова появляются не бездумной игрой слов или случайным сочетанием слов. Только познавая денотативную ситуацию, выделяя её смысловую доминанту и адекватно интерпретируя соответствующие импликации, возможно появление той или иной единицы непрямой номинации. Такое понимание вполне соответствует установкам когнитивной лингвистики.

С одной стороны, ВФ образного слова условна и «необъективна» с точки зрения познания сущности обозначаемого. С другой стороны, само ее существование есть проявление потребности к познанию в языке новых ассоциативно-смысловых связей и отношений. С лингвокогнитивной точки зрения ВФ образного слова есть проявление лингвокреативной асимметрии системы языка, выражающейся нередко в весьма парадоксальном порождении образного слова по отношению к номинируемой реальности. С другой стороны, ВФ образного слова, проецируемая ВФ поэтического

(художественного) концепта, служит смыслообразующим каркасом того дискурса, в рамках которого возникает знак косвенной номинации. Здесь понятие ВФ образного слова напрямую сопряжено с феноменом смысла и дискурса. Со смыслом ВФ роднит их когнитивная природа. Как и ВФ, «смысл, – словам Готтлоба Фреге, – это путь, которым люди приходят к имени». Однако в лингвокогнитивистике понимание смысла включает в него и историю концепта, как бы подвергшуюся «компрессии».

Если понимать ВФ образного слова как одновременно процесс и результат лингвокреативной деятельности, то такой подход откроет возможность применить к образного слова широко используемое в современной лингвистике понятие дискурса. Исследование феномена ВФ образного слова как неотъемлемой части лингвокреативной деятельности неизбежно связано с дискурсом. Точками опоры для такого подхода служат два методологических кита: а) лингвокреативная сущность знаков косвенно-производной номинации и б) дискурсивные механизмы порождения образного слова. Основанием для такого методологического выбора служит онтологическая природа образного слова выражать не понятия, пусть даже и обыденные, а нечто большее, то, что позже фокусируется в каждом образном знаке. Образное слово – это своего рода свёрнутый в формате фрейма дискурс, в составе которого несколько находящихся в ассоциативной связи концептов. Кстати, понимание системной природы концепта достаточно лаконично выразила В. Н. Телия, утверждая, что «концепт – это всегда знание, структурированное во фрейме» (Телия 1996: 96, 215).

Дискурс при этом понимается как некое целостное коммуникативное событие, которое сфокусировано в образном слове в виде ассоциативного признака – внутренней формы самого концепта. Напомню, что в рамках структуры концепта Ю.С. Степанов, наряду с ядром и актуальным слоем, выделял и внутреннюю форму этого концепта. Она, собственно, и формирует дискурс. В случае необходимости его косвенной объективации, внутренняя

форма концепта служит когнитивной основой формирования ВФ образного слова.

Предложенное понимание ВФ образного слова приближает её теоретическое осмысление к идеям В. фон Гумбольдта, а именно истолкование ВФ образного слова как результата и самого акта дискурсивного смыслообразования, что, несомненно, принадлежит к базовым объектам когнитивной лингвистики вообще и когнитивной фразеологии в частности.

В связи с лингвокреативной природой образного слова, их ВФ опосредована несколькими разноуровневыми факторами. Прежде всего, внимание акцентируется на том, что ВФ образного слова не сводима к логическим (смысловым) формам. Последние как бы обволакиваются формами синтаксическими. Только взаимодействие синтаксического и ближайшего логического слоя порождает сложную архитектуру структурно-семантического облика образного слова. Когнитивно-дискурсивная ретроспектива порождения образного слова предстаёт в виде первого знакомства с заморским плодом. Нам доступна его внешняя форма, его скарлупа, и абсолютной тайной за семью печатями оказывается его внутреннее содержание, его внутренняя форма, образующая ядро этого достаточно твёрдого орешка. Причём, прежде чем добраться до загадочного ядра, нужно преодолеть несколько промежуточных ячеек. Только убрав перегородки между ними, можно вскрыть искомое ядро – внутреннюю форму. Такого рода демонтаж перегородок как бы *задерживает* движения мысли. Происходит задержка понимания. Такая задержка необходимая для осмысления первичной истины (ср.: Шпет 1989: 403). Синтаксическая поверхность фраземы шире логического слоя. Она приводит в движение мысль в поисках невидимой внутренней формы образного слова (фраземы). Как писал Н. Заболоцкий, *«под поверхностью каждого слова шевелится бездонная мгла»*. Внешний компонентный состав образного слова можно сравнить с лавой вулкана. Она может затвердеть и сковать собою смысл,

который несмотря на это под ее поверхностью бурлит, клокочет, сохраняет и умножает свою пламенную силу (Шпет 1989: 389).

Живое движение мысли обладает биодинамической, чувственной, а возможно, аффективной экспрессивностью игры слов, порождающей образное слово в вид неких «кинетических мелодий» и «моторных представлений». Обобщение последних порождает в языковом сознании говорящих фразеосхемы типа *ни рыба ни мясо, хоть пруд пруди, как сивый мерин* (врет) и др.

Густав Шпет, правда, безотносительно к образным словам, обращает внимание на *игру синтагм и логических форм между собою*. Причем основанием для такой игры служат *логические формы*, постольку в них имеется идеальное постоянство и закономерность. Эмпирические синтагмы доставляются капризом языка, составляют его улыбку и гримасы, постольку эти формы игривы, вольны, подвижны и динамичны, как «паутина на ветру».

Во внутренней форме образного слова имеют место не только номинативный и предикативный, но и действенный, глагольный аспекты. У Шпета они скрыты за логическими формами. Действенные черты образного слова не всегда явно воспринимаются, но потенциально присутствуют всегда. Ср.: *плясать под чужую дудку* – ‘поступать, вести себя так, как угодно кому-либо, безоговорочно во всем подчиняться кому-либо’. Обмен функциями между различными компонентами действия способствует их синтезу в целостный акт. Поставим на место существительного образ ситуации или словесную инструкцию (*играть на дудку*), на место глагола (*плясать*) – исполнение, на место прилагательного (*под чужую*) – оценку. В итоге получим «обмен функциями». Такого рода субституции свидетельствуют о внутреннем, точнее, сущностном сходстве слова и дела. Не только смыслопорождающий фрейм, но и производный от него образный словесный знак гетерогенен. Она уже в зародыше, содержит в себе когнитивный, исполнительный и оценочный компоненты. Таким зародышем, порождающем образное слово, служит концепт, смысловое содержание

которого обуславливается соответствующим дискурсом. Причём этим дискурсом детерминируются не только концепты, структурированные во фрейм (предметное значение денотативной ситуации определяются смыслом событийного контекста), но и внутренняя форма фразеологического значения. Воспринимая образное слово в том или ином контексте, мы как бы осуществляем смысловые движения для разгадки её мотивирующего первоисточника – внутренней формы. Путь к разгадке выстраивается с помощью воспроизведения структурного сходства слова и дела, что весьма сложно. Ещё В. фон Гумбольдт установил, что язык имеет деятельностьную природу. Основываясь на этом положении Гумбольдта, Густав Шпет в книге «Введение в этническую психологию» предлагает своё понимание знака и слова. «Слова – не свивальники мысли, а её плоть. Мысль рождается в слове и вместе с ним. Даже и этого мало – мысль зачинается в слове...» (с. 397). Поэтому обыденное слово, порождающее метафору, становится знаком. Оно может использоваться как знак, не будучи до конца выраженным вовне². Можно считать доказанным, что каждый знак возникает в качестве посредника между социально организованными людьми в процессе их взаимодействия. Поэтому формы знака обуславливаются прежде всего как социальной организацией людей, так и ближайшими условиями их взаимодействия.

Субъективная психика (её действительность и есть действительность знака) – это особое переживаемое бытие, отличное от отражаемой психикой действительности. Находясь между человеком и внешним миром, оно локализуется в сознании в виде некоторого переживания, которое существует только в знаковом материале. Г. Шпет полагал, что вне знака переживания просто нет. Более того, внешний знак формируется из той или иной конфигурации внутренних знаков. По данным А.Н. Леонтьева, «языковая форма выражения и закрепления результатов внешне-предметной познавательной деятельности создаёт условия, благодаря которому

² Проблема внутреннего слова – важнейшая составляющая философии языка.

отдельные звенья этой деятельности могут выполняться уже только в словесном плане. При этом внешне-звуковая, произносительная сторона всё более редуцируется. Между исходными чувственными данными и внешне-звуковой формой теперь включаются различные цепи внутренних, ассоциативных процессов, которые составляют суть интериоризации, перехода во внутренний план внешней денотативной ситуации. Таким внутренним планом внешней денотативной ситуации выступает её невербальный схематический образ, называемый фреймом. Иными словами, при порождении образного слова человек вначале оперирует когнитивными структурами, т.е. образными, универсально-предметными «свернутыми» образованиями, гештальтами, которые затем вербализуются на заключительных этапах порождения образного слова или фразеомообразования.

Для понимания механизма заключительного этапа фразеомообразования важно разграничивать понятия «внутренняя речь» и «внутреннее программирование речевого высказывания» [Леонтьев 1969].

Общий дискурсивный замысел стремится в конечном итоге к вербальному воплощению, проходя при этом разные этапы превращение личностного смысла в общепонятное значение. Этому превращению предшествует потребность человека выразить свои эмоции, влечения и побуждения, то, что составляет суть мотива, то, ради чего мы собираемся породить высказывание. При порождении речи мотив – начало начал, а при восприятии высказывания – конечная цель речемыслительной деятельности реципиента.

Превращение мысли в образное слово совершается во внутренней речи. Для появления мотивации порождения образного слова необходимы два условия: а) оптимальный тонус КГМ и б) возникновение замысла (именно он, проходя стадию внутренней речи, превращается в образное слово).

Внутренняя речь – результат длительной эволюции речевого сознания. Во внутренней речи осуществляется интериоризация речевого действия, осуществляемого в свернутой, редуцированной форме. Свернутость колеблется между полюсами: на одном полюсе – внутренняя речь, сопровождаемая внутренним проговариванием свободно синтаксического прототипа фраземы, на другом полюсе – максимальное его редуцирование вплоть до «выпадения из интеллектуального акта и превращение его в простой рефлекторный акт» [Леонтьев 1969: 158]. Например: *Я тебя просто подразнить хотел, а ты сразу в бутылку...* (Симонов, т. 2, 418). Ср.: *лезть в бутылку*.

Внутреннее программирование фраземосодержащего высказывания заключается в неосознаваемом построении его схемы, обусловленном дискурсивным мышлением [Ср.: Леонтьев 1969: 158]. После этапа внутреннего программирования речь может разворачиваться либо во внутреннюю, либо во внешнюю речь в зависимости от задач³.

Вначале, разумеется, мысль, подлежащая косвенно-пороизводной вербализации, появляется на языке внутренней речи⁴. Таким языком служит невербальный универсально-предметный код⁵, который лишь затем облекается в сочетание слов – свободносинтаксический прототип фраземы. Во фразеологии это отображается в переосмыслении лексических значений фраземообразующих слов.

Соответственно единицы такого универсального языка (концепты) проявляются только через единицы естественного языка. В «чистом виде» их наблюдать невозможно, а как «свернутые» структуры они лишь опосредованно поддаются определенному анализу. Кроме того, эти единицы, имея предметно-образную природу, обладают смыслом. Отсюда следует, что смысл на уровне внутренней речи является невербальным.

³ Внутренняя речь – средство планирования неречевой деятельности, т. е. средство осуществления интеллектуальных операций. Внешняя же речь выполняет коммуникативную функцию.

⁴ Применение натурального языка, – утверждал Н.И. Жинкин, – возможно только через фазу внутренней речи.

⁵ Единицами универсально предметного кода служат концепты.

Проблема протOVERбального характера внутренней речи, через которую формируются внутренняя и внешняя формы образного слова, ставит много новых вопросов. В частности, если протOVERбальный код универсален, каким он является – национальным или общечеловеческим? Является ли протOVERбальный код порождения образного слова адекватным отражением денотативной ситуации? Сбои в виде игры слов возникают на уровне вербализации или раньше? Если на уровне вербализации, то почему идеальное мышление рождает неидеальную внешнюю форму образного слова? Если на протOVERбальном уровне – то в какой степени его можно считать универсальным? Все эти вопросы призвана решать когнитивная фразеология, которая находится в стадии становления. Разумеется, без оптимального соотношения данных лингвистики и когнитивной науки эти задачи не решить. Тем более пагубными могут оказаться попытки лингвистов самостоятельно решать задачи когнитивной науки и наоборот. Обратимся к сведениям, которыми располагает когнитивистика.

В 1984 году Б. И. Беспалов установил сходство структур мануальной и образной моторики при решении задач наглядно-действенного и образного (визуального) мышления. Было доказано, что визуальное и вербальное мышление тесно сопряжены, поскольку (а) в основе манипулирования образами и игры словами лежат одни и те же жизненные смыслы, а (б) границы между наглядно-действенными, предметными и вербальными значениями весьма и весьма условны. Ведь ВФ слов, порождающих образную номинацию, взаимодействуют не только между собой, но и с ВФ образующих концептов в рамках фрейма (с ВФ действия и образа, формирующих некий предметно-схемный код).

Предметно-схемный код непроизносим. Вместо некоей последовательности знаков естественного языка, здесь имеются только изображения, образующие что-то вроде схематического фрейма. Когда мы представляем себе некий предмет (например, седло), то независимо от буквенного или звукового состава, мы имеем в виду саму вещь как предмет

мысли, который может породить множество дискурсивных ситуаций. Например, мысль о том, как смотрится седло на верховой лошади или о том животном, с образом которого седло не соотносится или в результате воображения неестественной ситуации создаёт явный парадокс. Как раз в последнем случае возникает игра слов, в результате которой и возникла фразема как <к> *корове седло* <пристало, идёт, сидит, смотрится> кому, что (прост., ирон.) – ‘о чем-либо абсолютно не идущем кому-л., делающим его смешным, нелепым. Поэтому такой код и называют предметно-схемным, с помощью которого возникает внутренняя речь.

Во внутренней речи связи между предметами мысли содержательны, а не формальны. Это связи образов, а не слов. Их ассоциативно-смысловая устойчивость привязана только для определенной дискурсивной ситуации. Как только мысль переработана в форму естественного языка, предметно-схемный код может оказаться латентным. Однако порождение фраземы на этапе внутренней речи без такого кода невозможно. Вообще, без предметно-схемного кода внутренней речи естественный язык немислим. С другой стороны, без натурального языка внутренняя речь бессмысленна. Более того, естественный язык служит средством выработки того субъективного кода, который затем переводится на язык косвенно-производной номинации. Осуществляется такой переход путём переосмысления значений фраземообразующих лексем.

В процессе косвенно-производной номинации такие лексемы подвергаются ассоциативно-смысловой интерпретации, векторы и характер которой определяются интенциональным полем дискурса. Именно интенциональность дискурса перестраивает известные речевые структуры для использования их в целях не прямой (вторичной и косвенной) номинации. Такого рода обновление языка происходит в непрерывном режиме, так как содержание дискурсивного мышления значительно больше, чем стандартные, узуальные возможности языка. Этим, собственно, и объясняется, почему зарождение мыслительных структур, требующих косвенной номинации,

осуществляется в предметно-изобразительном коде. Для вербализации мыслительных структур используется уже речедвигательный код, порождающий экспрессивно-образную речь.

Итак, когнитивный механизм порождения образных слов состоит из двух противостоящих динамических фаз – предметно-изобразительного кода (внутренней речи) и речедвигательного кода (экспрессивной речи). На первом этапе мысль задается, во втором она передается и снова задается для первого звена. Именно эта двухфазность механизма человеческого мышления резко отличает его от искусственного интеллекта, опирающегося на формально-логические средства переработки информации.

Бесконечность отражаемого мышлением мира обеспечивает неисчерпаемые возможности постоянного порождения во внутренней речи единиц косвенной номинации. Их необходимость стимулируется объективными факторами человеческого мышления. Дело в том, что образы (представления) как идеальные форматы отражение действительности субъективны и не могут передаваться коммуникантами непосредственно. Для этого нужна операция номинации, в процессе которой выделяются различные дискретные элементы образного представления. В вербализованном виде они могут замещать целую денотативную ситуацию, обозначаемую знаком косвенной номинации, и передавать сообщение о ней другому. Взаимодействия предметно-изобразительного кода и переносных механизмов естественного языка образует процессы порождения и понимания знаков косвенной номинации.

В процессе общения и применения натурального языка, кроме логического, вырабатываются ещё два особых языка ассоциативно-образного мышления. Как известно, образные представления и чувствования сами по себе не передаваемы. Для этого нужен такой язык, при помощи которого можно управлять появлением у адресата тех представлений и чувствований, которые испытывает адресант. Это достигается путем введения в язык новых механизмов. Один из них управляет надсинтаксическими структурами

(например, парадоксальными сочетаниями фразем типа *семь пятниц на неделе* – ‘кто-либо часто меняет свои решения, намерения, настроения и т.п.’). Коммуниканты могут не знать, что в старину пятница была базарным днём, когда исполнялись долговые обязательства. И все же они, как правило, улавливают общий парадоксальный смысл фраземы (семь пятниц в неделе просто не бывает). Второй механизм стимулирует косвенные формы изобразительной вербализации денотативных ситуаций типа *выносить сор из избы* – ‘разглашать ссоры, дразги, происходящие между близкими людьми’. Вторая фразема имеет свободносинтаксический прототип. Поэтому конструктивными составляющими механизма косвенной номинации служат синтаксическая позиция знака в высказывании (фразема употребляется в функции сказуемого) и мифические представления древних славян о том, что сор (мусор) вынесенный из избы, навлекал на дом неприятности. Так создается двухэтапный механизм художественного мышления, который задаёт новые, более «свободные» правила языковой игры. Её своеобразие состоит в том, что логический фактор ограничивается, уступая авансцену языкового сознания речемыслительной экзотике: нестандартной денотативной ситуации и «кинетическим мелодиям» и «моторным представлениям».

Протознаковые средства, к которым относится и внутренняя форма знаков косвенной номинации, обуславливаются деятельностным характером речемышления. Это объясняется тем, что действие содержит в себе также элементы памяти и предвидения. Без предвидения, без цели оно не может начаться, без памяти оно не может закончиться, без оценки и контроля оно лишь случайно может быть эффективным. Действие не только связывает между собой настоящее, прошлое и будущее, но и создает собственное время. Для знаков косвенной номинации это чрезвычайно важный фактор, поскольку помимо когнитивных, созидательных, продуктивных (и разрушительных) свойств, действие обладает и аффективными свойствами. Действие в сфере фразеологии не может быть беспристрастным.

Мамардашвили приводит Декартово понимание действия и страсти: «Страсть в отношении к чему-либо есть всегда действие в каком-либо другом смысле» (1993: 321). Гораздо позже сходное суждение выразил В. фон Гумбольдт. «Деятельная сторона, – утверждал учёный, – она же страдательная, и наоборот» (1985: 148). Относительно двух форм знаков косвенной номинации действие и страсть взаимнообратимы. Страсть может рассматриваться как внешняя форма, а действие – как внутренняя. Справедливо и обратное: действие – внешняя форма, а страсть – внутренняя. Все дело в точке зрения или в точке отсчета.

Таким образом, перечисленные когнитивные и аффективные свойства действия, его открытость к среде и направленность внутрь самого себя позволяют действию формировать внутреннюю форму знаков косвенной номинации. Применительно к знакам косвенной номинации особенно актуальным является высказывание О. Мандельштама: «Слово – плоть деятельная, разрешающаяся в событие». С другой стороны, нельзя не видеть и обратного влияния: обогащая смысловую палитру образных слов, деятельностное мышление усиливает свой ассоциативно-образный потенциал именно благодаря слову.

К этой проблеме когнитивное осмысление внутренней формы образного слова имеет непосредственное отношение. По справедливому суждению Н.Н. Кирилловой, внутренняя форма – это алгоритм работы мысли. Внутренняя форма показывает не только особенности языковых стереотипов, но и мыслительную деятельность в каждом когнитивно-прагматическом акте порождения образного слова. Как доказывает коммуникативно-прагматическая теория, порождение любой речевой единицы (в том числе и свободно синтаксического прототипа фраземы) начинается с реакции на определенную денотативную ситуацию. Эта ситуация имеет определенный контекст и пресуппозиции, активируемые с помощью ассоциативно-вербальной сети. Это позволяет нам предположить, если реакция на ситуацию непосредственно и сразу задействует

ассоциативно-вербальную сеть, то порождение образного слова осуществляется не с идеальными, а с конкретно-языковыми, вербальными единицами, которые вместе с фреймовой образной схемой образуют в сознании носителя языка единое целое.

Насколько нам позволяет судить лингвокогнитивистика, у человека на этапе лингвосемиозиса активизируется несколько знаковых систем (ср.: Шахнарович, Юрьева 1990: 43). Специалисты, прежде всего, выделяют предмет, затем действие, «отделенное» от предмета, на котором оно усвоено, затем выделяется объект действия и в последнюю очередь – деятель (Там же: 44). Таким образом, можно предположить, что наше сознание в поисках внутренней формы образного слова выстраивает следующий кумулятивный ряд: предметное сознание – действенное сознание – внешне субъектное сознание (оно обращено к другим людям) – внутренне субъектное сознание (самосознание).

Таким образом, в осознании связи замещаемого и замещающего вначале предстаёт действие (или игра), затем восприятие денотативной ситуации (образ) и, наконец, внешняя форма образного слова, нередко весьма парадоксальная.

Дело в том, что в разных коммуникативно-прагматических ситуациях неизбежно меняется смысловая палитра слова. Причиной тому выступает дискурс, обуславливающий переосмысление лексических значений. Мысль в ее содержательном составе всегда пробивается в язык, перестраивает его и побуждает к развитию. Это продолжается и на уровне порождения образного слова, так как содержание мысли больше, чем шаблонно-узуальные возможности языка. Именно поэтому зарождение мысли осуществляется в предметно-изобразительном коде (Жинкин 1964: 26): представление так же, как и вещь, которую оно представляет, может стать предметом нескольких синонимических образных слов и фразем.

Таким образом, механизм человеческого мышления реализуется в двух противостоящих динамических звеньях – предметно-изобразительном коде

(внутренней речи) и речедвигательном коде (экспрессивной речи). В первом звене мысль задается, во втором она передается и снова задается для первого звена.

Отбор образующих образную речь компонентов (внешней формы метафорического сочетания слов или фразем) определяется всеми составляющими концептов внутри соответствующего фрейма: а) эмоциональным компонентом ситуации, б) рациональной оценкой, в) стереотипными связями в рамках ассоциативно-вербальной сети, связанными с опытом вербализации сходных экстралингвистических ситуаций. Совокупный анализ этих факторов позволяет определить соответствие или несоответствие порождаемого образного слова данной речевой ситуации. В моделях порождения образного слова, однако, готовое или формируемое высказывание для определения его завершенности должно сравниваться с общим замыслом, выражаемым единицами универсального предметного кода. Если допустить, что совокупность таких факторов и воспринимается «человеком говорящим» как замысел высказывания, то внутренняя форма в таком случае не просто «неидеальная» интерпретация языковыми средствами той или иной мысли, а место рождения самой мысли. Если принять положение, что мысль и языковой знак рождаются одновременно, то это позволит в моделях порождения образного слова сразу обращаться к активации ассоциативно-вербальной сети. Кроме того, в таком случае интерпретация восприятия действительности, бесспорно, относится и к языку, и к мышлению, что соответствует общим установкам когнитивной лингвистики.

Рассмотренные выше положения представляют собой возможные когнитивные характеристики внутренней формы образного слова. Они позволяют, как нам представляется, органично интегрировать многие традиционные понятия фразеологии в проблематику когнитивной лексикологии и фразеологии.

В когнитивистике принято считать, что формирование десигнатора (внешней формы языкового знака) происходит над действительной и образной. Без этого невозможно полноценное развитие репрезентации действительности в знаках.

Начальным мыслительным этапом формирования протодискурсивного мышления служит действие с предметами, или, так называемое «предметное действие». Здесь, по данным С.Л. Рубинштейна, сосредоточивается первоначально самый освещенный, наиболее интеллектуализированный участок сознания» [Рубинштейн, 1940: 308]. Оно (действие с предметами), будучи средством решения практической задачи, одновременно – особенно на ранних этапах – выполняет ещё одну функцию. При необходимости выразить мысль нестандартным способом предметное действие выполняет функцию поддержания образа той денотативной ситуации, которая лежит в основе порождения знаков непрямой номинации.

Так, во времена парусного флота корабли на море всецело зависели от погоды, точнее от направления ветра. В штиль паруса некли, корабль терял скорость. Попутный ветер надувал пруса и придавал судну ускорение. В этой повторяющейся ситуации стабилизировался предметно-действенный образ: рулевой держит нос корабля в соответствии с направлением ветра, постоянно меняя для оптимального движения судна его вектор. Связанное с этим предметное действие со временем приобрело обобщенно-образный характер: чтобы удерживать нос корабля в нужном скоростном режиме, нужно следить за направлением ветра.

На *втором этапе* происходит постепенное «отделение» образа от конкретного действия: вырабатывается некоторая совокупность представлений, генетически тесно связанных с действием, но уже более или менее самостоятельных. При этом происходит, согласно теории А.Н. Портнова, разделение известных образов на схемы действий и схемы предметов. По мере интериоризации они превращаются в основу

того, что Н. И. Жинкин называет универсальным предметным кодом (УПК). По сути дела, такой код является средством представления любых жизненных ситуаций, соотношений предметов, действий с ними и т. п. В нашем случае предметно-действенный образ *держат нос по ветру* стал применим к любой жизненной ситуации.

В когнитивной науке склонны считать, что УПК может рассматриваться в качестве относительно самостоятельной формы репрезентации мира в психике.

Названные первичные процессы формирования протознаков играют важную роль не только на этапе семиозиса, но и в процессе использования знака в речи. Для этого они обладают необходимыми свойствами. Можно считать доказанным, что знаковая форма репрезентации строится над действенной и образной [Брунер Дж. 1971: 48], что без сформированности действенной и образной [Аеbl Н. 1931]⁶ сферы невозможно полноценное развитие репрезентации действительности в знаках. Особенно важно это положение для формирования протознаковых средств возникновения фразеомобразовательной мотивации. Их значимость в этой сфере фразеопорождения обуславливается их онтологическими свойствами. На них стоит задержать наше внимание.

1. Обычно принято считать, что предметное мышление конкретное, а отвлеченное – вербально. Современная когнитивная наука располагает убедительными аргументами в пользу того, что и предметно-действенное мышление способно достигать значительной степени абстракции. Причем результаты абстрагированного мышления используются людьми на протяжении всей жизни.

⁶ Швейцарский психолог Х. Эбли удачно назвал действие «золотым обеспечением символических и знаковых процессов» (А е b 11 Н. Denken: **Das Ordnen des Tuns**. Bd. 2, Denkprozesse; Stuttgart, 1931).
СА

2. Кроме того, эти обобщения не поддаются полной вербализации. К тому же какая-то часть нашего двигательного и образного опыта вообще не нуждается в оязыковлении.

3. Соотнесённость знака косвенно-производной номинации с образом только до известного предела осуществляется само по себе, затем сопряжение знака и образа требует обучения – естественного, в ходе общения с другими членами этноязыкового сообщества или специального, школьного.

4. Образную сферу креативного мышления, служащего основным фразеомобразующим механизмом, можно рассматривать в качестве его особого конструктивного модуля. Не случайно, используя в речи фразему, мы обычно едва «слышим» её звуковое выражение, поскольку нам важнее «увидеть» ту образную картинку, которая сопровождает план выражения фраземы. В нашем сознании одновременно актуализируются два кода – языковой и образный. Известный специалист в области когнитивистики Л. М. Веккер утверждает, что образы воспроизводят и сохраняют инвариантные черты симультанно-пространственной картины учёный называет особым языком⁷. Иначе говоря, во фразеопорождении принимают участие два кода – языковой (он служит лингвокреативным механизмом фраземодеривации) и образный (предметно-чувственный). Причем лингвокреативным механизмом фразеомобразования может уже поддрезиваться иным предметно-чувственным образом. В современном языковом сознании фразема *держат нос по ветру*, скорее, ассоциируется не с носом корабля, а с носом зверя, ориентирующемся по запахам окружающей его среды (кошки, собаки, волки, медведи, лисы и др.). Чтобы быть успешным, ему приходится постоянно держать свой нос с подветренной стороны.

⁷ В е к к е р Л. М Психические процессы. Т. 2. Л., 1976. С. 129.

5. Знаки словесного языка являются наиболее распространенным, но тем не менее частным случаем знаков. Мы считаем, что кроме «линейно-упорядоченного» языка слов в переработке информации и, особенно в ее внешнем выражении, участвуют, и другие знаково-символические средства.

Прежде всего, это относится к знаково-символическим средствам образного содержания, выработанным идиоматикой того или иного языка. При этом как говорящий, так и слушающий должны обладать совпадающей в своих основных моментах системой перевода внутренних образов во внешние образные средства, и обратно. Это ещё раз заставляет нас вспомнить о проблеме кодов мысли вообще и образно-поэтической мысли в частности.

Кроме «линейно-упорядоченного» языка слов в переработке информации, особенно в ее внешнем выражении, участвуют, и другие знаково-символические средства. Прежде всего, это относится к знаково-символическим средствам образного содержания, выработанным предметно-чувственным отражением действительности. При этом говорящий и слушающий должны обладать совпадающей в своих основных моментах системой перевода внутренних образов во внешние, и обратно. Это ещё раз возвращает нас к проблеме кодового многообразия мысли в амбивалентных условиях дискурсивного мышления.

Итак, уже на предметно-функциональном уровне мотивации образного лингвосемиолзиса возникают определенного рода обобщения, которые ещё нельзя назвать понятиями.

Обобщения предметно-функционального характера вполне естественны для человека. Они являются первичными уже в онтогенезе человека [Новоселова 1978: 81]. Результаты такого обобщения ещё называют «предметным значением» (К. Хольцкамп) — чувственным обобщенным образом предмета, тесно связанным с предметной

деятельностью, в которой раскрываются его свойства. Этот образ может и не иметь вербального обозначения [Holzkamp K. 1976: 128–140]. Психологическая реальность предметно-функциональных обобщений не вызывает сомнения. По мере формирования языкового сознания они могут получить и словесные обозначения.

Причем образное слово не только обозначает денотативную ситуацию, но и осуществляет сложную когнитивную функцию. Прежде всего, в процессе косвенно-производной номинации анализируется коммуникативно-прагматическая ситуация, выделяются признаки обозначаемого предмета мысли и выбирается тот признак, который наиболее ярко его представляет. Особенно ярко это обнаруживается во фразеологических новообразованиях. Функция выделения признака (или абстракции признака) – важнейшая функция лингвосемиозиса знаков ассоциативно-образной номинации. Наряду с выделением признаков, в ходе лингвосемиозиса знаков ассоциативно-образной номинации обобщаются выделенные признаки, вследствие чего предмет обозначения относится к определенной категории. Категоризация – высшая форма проявления обобщения. Кроме отнесения предмета мысли к той или иной категории, лингвосемиозис знаков ассоциативно-образной номинации решает ещё одну задачу. Он содержит указание на место и значимость предмета знакообозначения в данном дискурсе.

Можно сказать, что лингвосемиозис знаков ассоциативно-образной номинации того или иного языка является системой кодов, предназначенной для косвенного анализа денотативной ситуации и репрезентации её интенционально актуальных признаков, свойств и отношений. Итак, в ходе косвенно-производной номинации в предмете мысли выделяются актуальные для данного дискурса свойства и признаки. Затем они ставятся в нужные отношения к другим предметам, относятся к известным категориям.

Предметно-функциональные и операционные значения характеризуют с разных сторон структуру довербального познания, над

которой надстраивается уровень вербального познания. Это психическое образование специалисты называют терминами «протологическая структура» или «функциональный базис речи» (Т.Б. Глезерман). Однако, несмотря на известную самостоятельность, предметно-функциональные и операциональные обобщения, в конечном счёте, вербализуются. Тем самым мы вступаем в обширный и еще недостаточно исследованный, несмотря на работы Ж. Пиаже, Л.С. Выготского, А. Валлона, мир обобщений, так или иначе связанных со словом.

Наиболее элементарной формой словесного обобщения является, очевидно, диффузное обобщение, названное Л.С. Выготским синкретическим. За этим этапом следуют обобщения комплексного характера. Комплексное мышление есть уже связное мышление (с. 139). В своем развитии оно проходит несколько ступеней. Первой из них являются ассоциативные комплексы, когда «любая ассоциативная связь между ядром и элементом комплекса оказывается достаточным поводом для отнесения предмета к подбираемой группе и для обозначения этого предмета фамильным именем» (с. 143). При этом сами элементы могут и не быть объединены между собой. Основание для обобщения — это их связь с ядром комплекса. Не в этом ли кроется объяснение сущности метафорической игры слов? Здесь, видимо, стоит обратиться к парадоксальной лексической сочетаемости в структуре образного дискурса. Следующей ступенью является комплекс-коллекция. «Здесь различные конкретные предметы на основе взаимного дополнения по какому-либо одному признаку образуют единое целое, состоящее из разнородных, взаимно дополняющих друг друга частей» (с. 143).

В целом можно отметить, что такие протознаковые обобщения опираются на образные связи с конкретно-предметными действиями.

Крайнее выражение тенденции к образности можно обозначить как эйдоморфное («умозрительное») мышление. Для него характерен перевод содержания сознания в наглядно представимые образы. Это имеет в ряде случаев свои преимущества. Однако в подавляющем большинстве случаев эйдоморфное мышление не может обеспечить адекватной ориентации человека в мире, т. к. каждое слово рождает непомерно яркий наглядный образ. Один образ сталкивался с другим, рождая зачастую хаос. В итоге общий смысл рассыпается. Такое мышление работает не столько на уровне денотации, сколько на уровне чувственно-эмоциональной коннотации [Симоненко 2013; Ярошук 2013]. Эмоционально-ценностный компонент становится в таком мышлении абсолютно доминирующим.

Противоположный полюс образует то, что мы, используя термин Ф. Кайнца, называем логоморфным мышлением. Для логоморфной мысли в ее наиболее ясных проявлениях характерно стремление к знаково-символическим операциям в отрыве от чувственного содержания

1. В доформальнологическом мышлении основания, по которым производятся обобщения, как правило, не осознаются. Силлогистическое мышление ограничивается рамками стереотипных наглядных ситуаций, непосредственного жизненного опыта. На этой ступени имеет место несогласованность объема и содержания в предпонятийных структурах, малая чувствительность к логическому противоречию, отсутствие или слабая выраженность рефлексии. Это главное условие возникновения знаков косвенно-производной номинации, которые не предназначены для формирования полноценных абстракций. Их предназначение – воспроизводить в основном наглядно-действенные и наглядно-образные отношения.

2. Знаковое мышление, включающее в себя наряду с допонятийными также формально-логические образования (понятия).

На этой ступени повышается роль абстракции и рефлексии. Указанные два типа мышления можно соотнести с «первым планом понимания», когда человек непосредственно верит своему наглядному восприятию. Причем, как показывает эксперимент, испытуемые, увидев маловероятные или невероятные вещи, не склонны оценивать их как иллюзии смыслового восприятия. *На воре шапка горит.*

Что же обеспечивает понимание и гармоничные отношения между знаком ассоциативно-образной номинации и гештальтом (целостным образом обозначаемой денотативной ситуации)? – Надо полагать, ассоциативный механизм комплексного восприятия десигнатора и десигната знака ассоциативно-образной номинации.

Как доказываю психологические эксперименты, мы сплошь и рядом опираемся на подразумеваемые содержания, описываем действительность с помощью средств, которые только имплицитно содержатся в том или ином дискурсе.

Образующий знаки непрямой номинации дискурс не всегда следует логике в ее обычном понимании. К такому рода дискурса прежде всего, видимо, применимо определение итальянского автора – «бессодержательный дискурс». Надо полагать, он так же древен, как и словесное мышление [Mosconi 1979: 15]. Иными словами, «словесное» (в нашем случае – фразеологическое) не обязательно «содержательно-логичное».

Эйдоморфное («умозрительное») мышление порождает игру ассоциаций и образов, необходимую для порождения ассоциативно-образной номинации. Такие ассоциации, собственно, и мотивируют «выбор» «внутренних» символов [Адамар Ж. 1979: 62-92], формирующих десигнатор образного слова или выражения.

Наконец, мы считаем необходимым выделить, вслед за Б.А. Серебренниковым, лингвокреативное (языкотворческое) мышление. Действительно, ни один язык в мире не выражает в своей

лексической и грамматической системе всех возможных характеристик и отношений, ни один язык не отражает действительность однозначно и зеркально. Тем более что по мере развития познания возникает потребность в фиксации новых значений.

Имеющиеся в языке средства приобретают новые функции, переосмысливаются. Важно подчеркнуть, что, будучи, в конечном счете, детерминирован практикой познания, этот процесс в значительной степени определяется уже существующей системой средств. Отсюда возникает иллюзия определенной имманентности языка, что приводило многих лингвистов к постулированию особого «языкового» мировоззрения (В. фон Гумбольдта, И. Л. Вайсгербера, Б. Л. Уорфа). На наш взгляд, лингвокреативное мышление имеет два плана. Первый из них связан с тем, что каждый член общества в детстве как бы заново воссоздает языковую систему. «Изобретая заново» свой язык, ребенок активно формирует гипотезы морфологического, синтаксического и семиотического характера, в частности создает формы, отсутствующие в языке взрослых. С психофизиологической точки зрения, этот процесс был проанализирован Т.Н. Ушаковой под углом зрения семантического компонента второй сигнальной системы.

Гетерогенность обусловлена а) разными средствами мышления, б) разными уровнями и модусами обобщения, в) разными видами деятельности, в которую включено мышление, и соответственно различными целями. Результаты одного типа мышления не сводимы без остатка к результатам другого и не могут быть однозначно переданы его средствами.

Использование человечеством различных форм, типов и модусов мышления выступает как ответ на необходимость отразить многообразие объективного и субъективного мира [Озерова 2012; Стебунова 2013: 468], и в этом смысле их применение позволяет дать более или менее целостную его картину.

Вопросы для самопроверки и задания

1. Как происходит порождение и восприятие образных слов в связи с возникновением предзнаковых форм накопления и хранения информации.

2. Докажите, что дознаковой стадией процесса семиозиса и понимания образных слов является ментальная модель.

3. Прокомментируйте следующее утверждение: Ментальная модель лингвосемиозиса является воплощением дискурсивного смысла, а сам дискурс – формой его существования и бытия.

4. На конкретном фрагменте избранного вами художественного текста покажите:

1) как возникновение предзнаковых форм накопления и хранения информации способствует восприятию образных слов;

2) докажите, что дискурс является формой существования смысла;

2) объясните, как в процессе порождения образного слова формируется его дискурсивный смысл.

Список рекомендуемой литературы

Часть I

О с н о в н а я:

Алефиренко Н.Ф. Знаки косвенной номинации как проблема когнитивной лингвопоэтики // Slavica nitriensia: casopis pre výskum slovanských filológií. – Nitra (Словакия). 2012. № 1. – С. 4–19.

Алефиренко Н.Ф., Голованева М.А., Озерова Е.Г., Чумак-Жунь И.И. Текст и дискурс: уч. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2012.

Апресян Ю.Д. Коннотации как часть прагматики слова // Избр. труды. Т. 2. – М., 1995. 464 с.

Мокиенко В.М. Образы русской речи. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 280 с.

Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – Киев: «Ваклер» – 2001. 656 с.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против»: Сб. статей под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова. – М.: Наука, 1975. 365 с.

Bartmiński J. Aspects of Cognitive Ethno linguistics. Ed. by J. Zinken. – London – Oakville, 2009. 256 pp.

Д о п о л н и т е л ь н а я:

Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н. Фразеология и паремиология: Уч. пос. для бакалавриата. – М.: Флинта: Наука, 2009.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: «Прогресс», 1974. 446 с.

Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. 6 изд. – М., 1959. 344 с.

Жилина Я.С. Слобожанская фраземика и её этнокультурное своеобразие (на фоне идиоматики современных русского и украинского литературных языков) // Славянские чтения – 2011. – Старый Оскол: Изд-во «Оскол-Информ», 2011. – С. 189-191.

Кубрякова Е.С., Шахнарович А.М., Сахарный Л.В. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. – М.: Гнозис, 2001. 240 с.

Лихачев Д.С. О национальном характере русских // Об интеллигенции. – СПб., 1997. 445 с.

Магомедова А.В. Коннотативно-смысловое поле бинарного концепта «Свет–Тьма» (на материале рассказов Л. Андреева) // Русское слово: прошлое, настоящее, будущее. – Арзамас, 2012. – С. 131–135.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.

Стебунова К.К. Коммуникативно-функциональные аспекты перевода фразеологических единиц // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III междунар. науч. конф. (Белгород, 19-21 марта 2013 г.). Отв. ред. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород, 2013. – С. 468–471.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М., 1997. 838 с.

Чуприкова Н. И. Психология умственного развития: Принцип дифференциации. – М.: «Столетие», 1997. 480с.

Яранцев Р. И. Русская фразеология: Словарь-справочник. – М.: Рус. яз., 1997. 304 с.

Часть 2

О с н о в н а я :

Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.

Бибихин В. В. Внутренняя форма слова. – СПб.: Наука, 2008. 237 с.

Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. 452 с.

Деглин В.Л., Балонов В.Я., Долинина И.Б. Язык и функциональная асимметрия мозга // Текст и культура. Труды по знаковым системам ХУІ. – Тарту: ТГУ, 1983. С. 31–42.

Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. 157 с.

Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Просвещение», 1969. 214 с.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996. 288 с.

Дополнительная:

Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-прагматические истоки внутренней формы знаков косвенной номинации // Гуманитарные исследования. – Астрахань, 2012. № 4 (44). С. 6–10.

Адамар Ж. Исследование психологии процесса изображения в области математики. – М., 1979. С. 62–92.

Горский Д. П. Определение: Логико-методологические проблемы. – М., 1974. 237с.

Мамардашвили М. Картезианские размышления – М.: Прогресс, 1993. 352 с.

Новоселова С. Л. Развитие мышления в раннем возрасте. – М. 1978. 381с.

Озерова Е.Г. Русский лирикопрозаический текст: дискурсивно-когнитивный аспект. – Белгород: Изд-во НИУ «БелГУ», 2012. 276 с.

Попова З. Д. «Слабые места» публикаций по когнитивной лингвистике (к проблеме унификации и стабилизации лингвокогнитивной терминологии) / Попова З. Д., Стернин И. А. // Язык. Этнос. Картина мира / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово 2003. С. 16–23.

Ротенберг В.С. Психофизиологические аспекты изучения творчества // Художественное творчество. – Л., 1982. С. 3–72.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. 3-е изд., в 2-х тт. – М., 1989. Т. 1. 303 с.

Симоненко Е.И. Прагматический потенциал фразеологизмов в ценностно-смысловом пространстве художественного дискурса (на материале русской литературы XIX-XXI веков): Автореф. дис. ... кандидата филол. наук. – Белгород, 2013. 22 с.

- Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996. 288 с.
- Шпет Г.Г. Сочинения. – М.: Правда, 1989. 604 с.
- Ярощук И.А. Когнитивно-метафорическая палитра художественного текста (на материале художественной прозы писателей Черноземья): Автореф. дис. ... кандидата филол. наук. – Белгород, 2013. 23 с.
- Aebll H. Denken: Das Ordnen des Tuns. Bd. 2, Denkprozesse. – Stuttgart, 1931.
- Holzkamp K. Sinnliche Erkenntnis. 2. Aufl. – Kronberg, 1976. S. 128–140.
- Levy J. Possible basis for the evolution of lateral specialization of the human brain // Nature. 1969. V. 229. N. 5219. P. 614–615.
- Mosconi G. Pensiero discorsivo. – Torino, 1979. 302 p.